

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-4-22-151
EDN XVGJMH

**Образный мир мифологии Востока
в русской литературно-художественной традиции**

Николай Николаевич Иванов

Доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль
Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Аннотация. Исследованная в статье историко-литературная, историко-культурная проблематика обусловлена современными гуманитарными запросами: знание национально-культурных систем, связей и отношений между ними может использоваться для объяснения настоящего, прогнозирования будущего, развития связей, налаживания диалога между людьми, народами и государствами. Мифология – то основание, на котором строится любая национально-государственная система, поэтому без ее изучения невозможно понять и Восток, и Русский мир. Цель, задачи работы включены в следующий филологический, историко-культурный контекст: обрисовать мифопоэтические, отчасти исторические, гуманитарные причины свойственного русской национальной традиции давнего влечения к Востоку; осмыслить образы мифологии Востока применительно к русской фольклорной, литературной традициям, определить Восток не как административно-географическое пространство, а как определённую сущность, синтезируемую из контекста культурологом, философом, мифем; востребованную человеком, сформированным в знаково-ценностном поле русского языка. В статье пересмотрены многие сложившиеся стереотипы, проанализировано место, значение, роль знаковых образов, мотивов мифологии Востока для русского фольклора, литературы Средневековья, интеллигентского сознания рубежа XIX – начала XX столетий, показано, как эти мотивы оказались не только восприняты русским фольклором, литературой Средневековья, художественным сознанием Серебряного века, литературой неореализма, но и обрели в них новое качество, получили определённую самостоятельность в виде субъектов русской национальной традиции. В статье показана роль образного мира мифологии Востока для русского искусства, духовного мира русского человека и переосмыслен значительный массив отдельных памятников и произведений, особое место уделяется рассмотрению роли философом Н. Рериха в контексте проблемы осмысления роли Азии для России.

Ключевые слова: образный мир мифологии Востока; востокоцентризм; русский фольклор; литература Средневековья; неореализм; миф; мотив; архетип

© Иванов Н. Н., 2024

Для цитирования: Иванов Н. Н. Образный мир мифологии Востока в русской литературно-художественной традиции // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 4 (22). С. 151-166. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-151>. <https://elibrary.ru/XVGJMH>.

Original article

**The image world of Oriental mythology
in the russian literary and artistic tradition**

Nikolai N. Ivanov

Doctor of philology, professor at the department of theory and methodology of teaching philological disciplines, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Abstract. The historical, literary and cultural problematic investigated in the article is conditioned by modern humanitarian demands: the knowledge of national-cultural systems, attitudes and relations between them can be used to explain the present, to predict the future, to develop links, and to establish a dialog between people, nations and states. Mythology is the foundation on which any national state system is built, so, without its analysis, it is impossible to understand both the East and the Russian world. The aim and the objectives of the work are included in the following philological, historical and cultural context: to outline the mythopoetic, partly historical and humanitarian reasons for the long-standing attraction to the East inherent in the Russian national tradition; to conceptualize the images of Oriental mythology in relation to Russian folklore and literary traditions; to define the East not as an administrative and geographical space, but as a certain entity, synthesized from the context of culturologemes, philosophemes and mythemes, required by a person shaped in the sign-value field of the Russian language. The article reconsiders many established stereotypes, analyzes the place, significance and the role of iconic images and motifs of Oriental mythology for Russian folklore, for literature of the Middle Ages, for the intelligentsia's mentality at the turn of the XIX - early XX centuries. The author shows how these motifs were not only accepted by Russian folklore, literature of the Middle Ages, by artistic minds of the Silver Age and by neorealism literature, but also acquired new qualities and gained a certain independence as subjects of the Russian national tradition. The article shows the role of the Oriental mythology figurative world for Russian art, for the spiritual world of the Russians and reinterprets a large number of certain artifacts and works. A special attention is paid to the role of N. Roerich's philosophemes in the context of understanding the role of Asia for Russia.

Key words: figurative world of Oriental mythology; Orientcentrism; Russian folklore; literature of the Middle Ages; neorealism; myth; motif; archetype

For citation: Ivanov N. N. The image world of Oriental mythology in the Russian literary and artistic tradition. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 4(22): 151-166. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-151>. <https://elibrary.ru/XVGJMH>.

Введение

Духовное состояние нации – концепт не устаревающий. Его актуальность определяют национальные традиции, духовный опыт, историческая память, зафиксированные в мифологии, фольклоре, в культуре устной и письменной, в литературе. Творческая интеллигенция дала свои варианты осмысления духовного состояния: на рубеже XIX-XX столетий наблюдается востокоцентризм, современный Русский Мир в поисках идентичности смотрит на Восток в его пересечениях с русской культурой.

В данной работе мифология Востока – это отдельные стороны мифологических систем Индии Китая, Монголии, Тибета, российского Алтая [Индийская мифология, 1980; Китайская мифология, 1980], их образы, архетипы, сюжеты и мотивы в контексте творческой рецепции в волшебных сказках, былинах, героическом эпосе, древнерусских повестях, сочинениях писателей, поэтов рубежа XIX – начала XX столетий, середины века XX.

В работе предложена концепция метафизики русской мысли через Восток. В русской традиции первая встреча с Востоком не имеет временной конкретной исторической точки; былины Владимирского цикла свидетельствуют, что, например, Волх и его дружина «путь туда» знали; эта дорога имеет не географические, а мистические ориентиры: мотивы начальных времён, ухода, поисков чудесной страны, обретения и утраты.

В чём состоял магнетизм Востока, что ожидал открыть в нём русский человек, насколько оправдались его ожидания? Восток и его мифология воспринимались, переосмысливались по законам художественным, создавался

русский миф, типологический образ Востока, варьируемый в указанных жанрах. Описание означенного процесса в его глубинных движениях, мотивах, архетипах, ключевых образах, характеристиках; изучение предания и повествования, прототипов и образов Востока, типологии, вариантов – центральная задача данной работы; в ней сделана попытка восполнить существенные, на наш взгляд, пробелы в исследовании очерченной проблематики.

Мотивы, архетипы мифологии Востока в русском фольклоре, литературе: философские и эстетические основы

Мифология Востока в русском фольклоре и литературе Средневековья. Трагедия Афанасия Никитина и её глубинные причины

В русском фольклоре, литературе Средневековья мотивы, архетипы мифологии Востока, преимущественно Индии, конструируют прообраз легендарных земель, подобных Ирию, Беловодью, Опоньскому царству и другим, синонимичным Земле Обетованной, Невидимому Граду, Иному Царству русского фольклора [Трубецкой, 2003]. Это миры запредельные, иррациональные, неизведанные, потому ещё более желаемые и желанные. Пространство Востока духовно-мистическое; как отражение Неба на Земле оно давало русскому человеку иллюзию познания неземных тайн, получения или хотя бы созерцания одним глазом бесчисленных сокровищ, волшебных существ и сказочных дев, перенесения туда, где нет зимы и вечное лето. Однако Восток, Индия имеют и другую, по ту стороны границы счастья, сакральную сущность: это идущее от истоков Бы-

тия единство всего живого, родство растений, птиц, зверей и людей. Единство закреплено мифологиями, религиями, обрядами и ритуалами, бытом, всем строем жизни человека Востока, но антиномично русскому, европейцу, христианину.

Русское национальное сознание адаптировало Восток. Объект в виде системы мотивов, архетипов, мифологем впитывался и усваивался постепенно, но в этом процессе сам подвергся творческой переработке, так далёкая Япония, до которой старообрядцы физически не дошли, стала прототипом Опоньского царства их легенд. Национальная память, фольклор, литература Средних веков выработали традицию, актуализированную второй раз в конце XIX – начале XX века: достаточно назвать образы Беловодья в поэзии Н. Клюева, Китежа, Азии в прозе М. Пришвина, отдельные рассказы И. А. Бунина, поэму А. Блока «Скифы», лирику В. Хлебникова. Время проверило стойкость означенных мотивов.

Повествования, устные предания идеализируют Индийскую землю. Наиболее ярким в этом плане является памятник XII века «Сказание об Индийском царстве», или «Сказание об Индии богатой». Земля Индийская населена диковинными полулюдьми-полузверьями-полуптицами, безгранична власть её царя. В списке А. Н. Веселовского, повторяющем список XV века Кирилло-Белозёрского монастыря, эта картина детализирована. Индийский царь говорит: «Есть у меня птица ногой, вьет себе гнездо на 15 дубов. Есть <...> птица финикс, свивает себе гнездо на нов месяц и приносит от огня небесного и сама зажигает гнездо своё <...> 500 бо лет живёт. А посреди моего царства идёт

река эдем из рая <...> нет в моей земле ни татя, ни разбойника, ни завидлива человека, занеже моя земля полна всякого богатства. А нет в моей земле ни ужа, ни жабы, ни змеи, а хотя и войдёт, тут же и умрёт» [Хрестоматия по древней русской литературе, 1955, с. 168].

Возможно, первый из повернувшихся на Восток персонажей русского фольклора – это былинный Волх (Вольга) Всеславьевич, покоритель «Индийского царства славного». Вольга архаичен и наделён древними мифопоэтическими связями с Матерью Землёй, природой, зооморфным героем-первопредком. Княжна Марфа Всеславьевна зачала Волха от Змея, то ли сидя на камне, то ли на змея наступив. Следовательно, Волх – получеловек-полузверь, но постоянный его облик – людской; зооморфное начало в образе дополнено антропоморфным. От Змея-отца он унаследовал хитрость, ум, оборотничество (талант трансформации плоти), понимание языка птиц и зверей. Обратным был и его дед по матери – князь Всеслав Полоцкий, прозванный Вещим, или Чародеем. Благодаря таким талантам Вольга одолел индийского царя Салтыка Ставрुльевича, завоевал его царство и, женившись на уже бывшей жене царя Елене Александровне, сам стал царём. Конечно, семь тысяч его дружинников берут в жёны индийских девушек, все получают несметные богатства.

Судьбу Волха определили мотивы чудесного рождения, получения даров. Волх-ребёнок соответствует архетипу чудесного отрока: воинскую атрибутику знал на втором часу жизни, грамотой и науками овладел в семь лет, магией – в десять, подобрал дружину – в двенадцать, в пятнадцать – войско из одногодков. В этом же архетипе и

умный не по летам младенец Христос, и герой русской «Повести о Дмитрие Басарге и сыне его Борзосмысле», дошедшей в списках XVII века¹.

Пропустив этап развития, выделим связь Волха с первоэлементами природы: месяц, земля, синее море, звери, птицы, рыбы. Формальная причина сражения Волха с Салтыком – оборона Киева как центра христианского мира; глубинная же имеет звериные основы – доказать своё превосходство в главном испытании. И Волх его достойно прошёл, поочередно оборачиваясь волком, соколом, горностаем, мурашиком. Поединок Волха и царя индейского близок другой былинной битве – Ильи и Соловья Разбойника, преградившего дорогу в столичный Киев-град. Илья и Волх архетипичны, сюжетные мотивы их сражений типовые: защита христианства от антагонистов-индуистов.

Индуизм имеет органические истоки: подобно птицам, полулюди-полуптицы селятся на деревьях, деревья соединяют землю и небо, растения и животных, питают птиц плодами и соками земли. Дом Соловья находился на 7 дубах; на 15 дубах был дом птицы Финикс в «Сказании об Индийском царстве». Речка Смородина омывает корни дубов и усиливает род Соловья, в котором все сплетены кровными, кровосмесительными связями; этика индуизма разрешает (не табуирует) братьям и сёстрам быть супругами [Барлен, 1993]. Соловей – полуживотное-получеловек; дитя Востока – Одихмантьев сын. Звуковая аналогия позволяет допустить, что Одихмантий – это индуистский жрец брахман, передавший сыну живучесть, власть над всем, что ползает, бегает и летает. Брахман наделён субстанциями не только существа, но и состояния.

Индия заняла центральное место и в памятнике второй половины XV века «Путешествие Афанасия Никитина». Никитин повествует о трагедии, вызванной неразрешёнными противоречиями между своим и чужим: русский человек наблюдал, как Русская земля замещалась в нём землёй Индийской.

Никитин первый, вероятно, открывший Индию ещё до португальцев европеец. По одним данным, хождение заняло шесть лет: с 1466 по 1472 год [Хрестоматия по древней русской литературе, 1955, с. 212]. Изначально начинание было коммерческим, но мы усматриваем в нём и навеянный фольклором сокровенный мотив: желание повторить успех былинного новгородца Садко – успешного торговца, мореплавателя, путешественника. Садко – персонаж вымышленный, Никитин – реальное лицо, но былины убеждают, потому что имеют модальность достоверности. Садко был и в Индийской земле, и в подводном царстве у морского царя не забывал о богатстве. Отдельные эпизоды истории Садко ассоциируются с мотивами баллады Гёте «Лесной царь», наполненной фольклорными образами. Лесной царь, Erlkonig, привлекает случайных встречных в лесу рассказами о драгоценных камнях и прекрасных цветах на морском берегу, о золотых одеждах его матери. Но ещё желаннее, нежели сокровища, дочери Лесного царя, которые на берегу морском поют и танцуют [Иванов, 2020]. Садко прельщает Чернава, дочь царя морского, её нужно угадать, идентифицировать. Интуиция новгородца не подвела, в одном из вариантов этого сюжета содержится намёк на состоявшуюся близость Садко и Чернавы. Мифопоэтический мотив не будет полным, если не раскроется в троичности,

и здесь на помощь приходит Одиссей (Улисс) у чародейки-колдуньи Цирцеи.

Текст Никитина динамичен благодаря мотивам дороги, хождения с семантическими коннотациями преодоления и выбора. Текст рефлексивен, изобилует всяческими деталями, вплоть до бытовых: услуги и цены в столичном Делийском султанате, где жил Никитин. Фантастические раскраска, атрибутика, экзотика Индийской земли в сочинении тверского купца импонируют русскому читателю. Индия – мир утопический, Индия – соблазн, которому трудно противостоять. Афанасий подробно излагает бытовые подробности, секреты индийской кухни, он восхищён сказочной архитектурой, техникой резьбы по камню, уникальным филигранным исполнением множества фигур людей, животных и растений на культовых столбах, зданиях, фасадах индуистских храмов [Хрестоматия по древней русской литературе, 1955, с. 214]. Ещё более его поразили сюжеты, сцены, смыслы и ритуалы, запечатлённые в резьбе, более древней, чем христианство. Никитин прикоснулся к иным, не христианским, философии, концепции человека и Мира. Вот что узрел он в храме Будды в «Первоти» и рядом: «А бутхана же велми велика, есть с пол-Твери, камена, да резаны по ней деяния Бутовья <...> как Бут чудеса творил <...> являл многими образы: первое человеческим образом являлся, другое человек, а нос слонов, третье человек, а виденье обезьянино, в четвёртые человек, а образом лютого зверя, являлся им всё с хвостом, а вырезан на камени, а хвост через него сажень <...> да у бутханы бреются старья жёнки и девки, а бреют на себе все волосы <...> в бутхане же Бут вырезан ис камени

<...> да хвост у него через него <...> а гузно у него обвязано ширинкою, а виденье обезьянино <...> а жонки Бутовья наги вырезаны и с соромом, а з детьми. А перед Бутом же стоит вол велми велик, а вырезан из камени из чёрного, а весь позолочен, а целуют его в копыто, а сыплют на него цветы, и на Бута сыплют цветы» [Хрестоматия по древней русской литературе, 1955, с. 216, 217].

Афанасия потрясло как мировоззрение индуизма, увековеченное в скульптурах и на храмовых стенах, так и отношение индийского народа к сакральной стороне бытия, отсутствие запретов, какой-либо цензуры: мир и человек взаимопроникают во всех сферах и формах, вплоть до интимных. Зооморфность тождественна антропоморфности, человек и тварь едины; божества сопровождают людей во всём: Будда с носом слона, с лицом обезьяны, с хвостом, в образе лютого зверя. Целование вола в копыто – поклонение обожествлённому скоту; люди строят мост на Цейлон, стройкой руководит Царь обезьян, обезьяны и люди вместе таскают камни; в XXI веке умершего тигра хоронят с почестями, украшают цветочными венками, как человека высшей касты; нельзя корову ударить палкой, из храма выгнать крыс. Продукт подобных отношений: мифические полулюди-полузвери-полуптицы, но для индуистов, буддистов миф конкретен и материален. В этом ряду и упоминавшийся былинный антипод Русского Мира – сын брахмана Соловей.

Фигуры людей, животных, растений на индуистских скульптурах, рисунках не имеют чётких контуров в виде костей, мышц, но текучие и плавные, словно наполненные живительной

влажгой корни, ветви; деревья охватывают храмы, буквально вырастают в них; всюду детальный растительный орнамент, гармонирующий с растениями настоящими, и непривычные, подчас неприемлемые для европейца аллегории, символы оплодотворения, роста. Таковы они и в пронизанном кровосмесительством доме Соловья. «А жонки Бутовы наги вырезаны и с соромом, а з детьми» [Хождение за три ... , 1948]. Жёны пришли поклониться Будде, их много, детей ещё больше; европейского понятия стыда нет. Что это напоминает? Когда Илья приторочил к седлу побеждённого Соловья, дети, братья и сёстры, жёны и мужа долго вопили и бежали за конём, умоляя русского вернуть им отца. В былине модальность реальности, и Афанасий поддался ей.

Русскому человеку явилась, но не открылась одна из главных тайн Восточной мифологии – птица Феникс, в «Сказании» и у Афанасия именуемая «Финикс». Это дева-птица, полуптица-полуженщина, как Соловей – полуживотное-полуптица-получеловек. Дом Феникса на 15 деревьях в «Сказании»; дом Соловья – на 7 дубах. Феникс – стихия женская, Соловей – мужская. Обе птицы охватывают человека со всех сторон, властвуют над его телом и разумом. Обе наделены звериной силой жизни, но в иерархии Феникс выше Соловья, потому что помимо тела и разума она прельщает ещё и душу мужчины, тогда как Соловей никого влюбить в себя не может, его грубые энергии построены на подчинении объекта.

Феникс может восседать на чудесном камне ярко-красного цвета – яхонте, который находится в центре моря. Аналогии: легендарный «белгорюч» камень Алатырь русских вол-

шебных сказок, былин; остров Брунхильды из германского эпоса «Песнь о Нибелунгах». Вода и камень – стихии-антиподы (первая – женская, вторая – мужская). Камень разбивает волны, вода точит камень, а над ними возвышается Феникс.

Пение птицы несказанно красиво, её неземной голос завораживает; как не вспомнить сирен античной мифологии и Одиссея. Магичен и свист Соловья, ему подчинялось всё, что движется. От этого раздирающе-пронизывающего звука стал спотыкаться подобный боевому слону даже богатырский коня Ильи. Механизм власти Феникса подразумевает очарование, соблазн женской красотой, сон. Феникс реализует мотивы сна, вечного покоя, рефрена пения птицы: «Спать, спать». Пение – звуковой аналог того, что визуально представлено в резьбе по камню: зыбкость, неопределённость, скольжение, вибрации, перетекание. Феникс управляет людьми, владея их снами; во сне разум отключается, память слабнет. На уровне глубинном, ментальном сон влечёт забвение, потерю памяти, утрату себя, культурно-религиозно-национальной идентичности, размывание личности, смещение миров. Забывая мир свой, герой переходит в мир чужой. Как ни исхитрялся Афанасий, но экзотическую кухню принял, в иноземное платье облачился; допускаем, что примирился он и с верой магометанской, и с индуизмом. Никитин йогой не занимался, ведические мантры не читал, но православные молитвы на тюркских наречиях читать пробовал. Вряд ли он выдержал бы шесть лет в земле Индейской, не согласившись или не уступив, не отступив. Отчасти культурно-национальную, религиозную идентичность он утратил. Принятие

чужого системного языка уже само по себе есть акт духовно-интеллектуальной капитуляции, опускания глаз долу еще до битвы. Мотивы границы и преодоления запрета стали сущностной составляющей трагедии А. Никитина.

Что привёз Афанасий из Индийской земли, что обрёл он в итоге? Ничто, но величайшее разочарование, крушение финансовое и духовное, личностную катастрофу. Индуизм построен на кармической основе; карма тяготеет к искуплению, оно же – к нирване. В этой сфере духовного познания Никитин не добился ничего и нирваны не достиг, хотя провёл в Индии далёкой более шести лет. Его миф о царствах Востока разбился; у интеллигентов XX века, писателя М. Пришвина, художника, публициста, путешественника Н. Рериха, нет. Никитин не сумел переключиться с одной мировоззренческой системы на другую, усвоить вектор самопознания в индуизме, который, как и буддизм, является религией пассивного созерцания; христианство же как религия сострадания предполагает активность.

В начале XX века М. Горький, имея в виду симпатии Л. Н. Толстого к буддизму, поделился с Е. П. Пешковой соображениями о том, что ему, Горькому, ненавистна проповедь буддийских идей в стране, насквозь пропитанной фатализмом, а в статье «Две души» приписал русскому человеку восточные качества: созерцательность, фатализм, пассивное отношение к действительности [Горький, 1918].

Индия, поглотив Никитина, не стала ему духовной родиной, землёй Обетованной, в отличие от называвшегося уже Н. Рериха, которому, как и его жене, детям, стала. В Индийское цар-

ство устремились знаковые представители русского фольклора, культуры: былинные Волх, Садко, историческое лицо Афанасий Никитин. Волх царство покорил и разбогател, Садко разбогател и вернулся, Никитин ни покорил, ни разбогател, он умер на пути домой, в Смоленске, не дойдя самую малость до родной Твери. И в этом мы усматриваем мотивы доли, судьбы, кармы, почти как по Горькому.

В Мумбаи, штат Махараштра, в 2002 году усилиями русского посольства и Российского центра науки и культуры был открыт памятник Афанасию Никитину. В 2008 году на берегу третьего моря, Чёрного, в Феодосии (Кафа) установлен ему памятник, который автор данной статьи имел возможность рассмотреть. В современной Индии помнят и чтят Никитина, изучают русскую культуру по его книге, но ещё видят в ней и себя глазами человека другого мира, что является важным механизмом национального самопознания и бытия.

Пути к Сердцу Азии в русском неореализме; величайший интуитивист Н. Рерих

Огромный когнитивный и художественный опыт русского фольклора, литературы Средневековья в освоении мифологии, культуры Востока был востребован философией, культурой, искусством века Серебряного с учётом его художественных и онтологических реалий: И. А. Бунин, К. Д. Бальмонт, А. Блок и его поэма А. «Скифы» (1918) с знаменитым эпитафием из В. Соловьёва «Панмонголизм! Хоть имя дико, но нам ласкает слух оно»; Н. Клюев, В. Хлебников, ушедший на Восток Н. К. Рерих, в 2024 году исполняется 150 лет со дня рождения [Иванов, 2022].

Сострадание и созерцание

Предельно субъективны Горьковские оценки русской истории, народа. Основа их в том, что монгольская кровь будто бы взрастила худшие национальные качества: фатализм, отсутствие воли к действию, разбросанность, пустая трата, разрушительные выплески здоровых сил. Эти качества Горький передал многим героям своих произведений; назовём рассказы «В ущелье», «Ледоход», «Женщина», Автобиографическую трилогию, Окуровскую дилогию, роман «Форма Гордеев», повесть «Жизнь Клима Самгина» [Иванов, 2023]. Позиция центральных персонажей названных сочинений не сострадательная, но пассивно созерцательная, как в даосизме, буддизме, индуизме. Свои открытия в форме злорадной иронии М. Горький презентовал А. В. Луначарскому: мироощущение фаталистическое преобладает «у лучших представителей нашей литературы», а в качестве примера сослался на Л. Н. Толстого. Аргументом Алексею Максимовичу послужил фольклор, который весь «пропитан фатализмом», таково учение о судьбе, Долях, Горе-Злочастье и «общее, всюду в сказках и песнях выраженное убеждение в том, что воля человека – бессильна в борьбе с окружающими её таинственными и непобедимыми волями <...> Тут – как бы борьба двух кровей: арийской-славянской, побуждающей к возрождению и слиянию с Западом, и монгольской – отравленной фатализмом, стремящейся к покою» [Переписка М. Горького. Т. 1, с. 441, 442].

Деятельную позицию Горький продекларировал в суждениях о святых. Ему импонируют не созерцательные, молящиеся в монастырях, скитах, но действующие святые; в этом ряду ока-

зался активный из сострадания христианин – Святой Николай, совершавший поступки: усмирять море и вызывая бурю, спасал от смерти невинно осуждённых.

Привлекательнее монгольских оказались арийские, западные стороны русской души: творческая активность, красивая ясность внутреннего мира. Правда, Алексей Максимович не возражал относительно напоминаний ему о его же симпатиях к Востоку [Шуган, 2023]. В книге 1 журнала «Восток» за 1922 год опубликован дружеский шарж Максима Пешкова, сына Горького. Максим изобразил отца в восточном наряде, едва ли не в обломовском халате. В библиотеке московского Дома-музея Горького много книг буддийской тематики [Личная библиотека, 1981]. В этом же доме имеется значительная коллекция японских, китайских статуэток, скульптур, раритетных предметов, в разное время подаренных писателю или собранных им; коллекция нэцкэ Горького была едва ли не самой крупной в Москве. Один японский шкафчик в спальне, другой в кабинете, очень немаленький, четыре полки плотно и со вкусом, любовью уставлены разными любопытными вещами. Вот лишь малая их часть: поэт Госиса, богиня Гуань-инь, коллекция нэцкэ в кабинете. На рабочем столе в кабинете писателя: японский карп из розового кварца, часы, божество Дарума, Куй-синь, японская обезьянка. И ни одной вещицы как атрибута активного запада.

Современники Горького, М. Пришвин, А. Н. Толстой, не согласились бы с его нарративами об отравленной фатализмом русской крови; они давали иные повороты восточной темы.

В период гимназической молодости М. Пришвин с товарищами убежал в

Азию, настолько захватывающим оказался этот образ Земли Обетованной. Беглецов выгнали из гимназии с волчьим билетом; чтобы продолжить образование, Пришвин вынужден был уехать в Сибирь, в Тюмень, к дяде по матери [Пришвин. Наши берега ...]. Позднее Пришвин этот навеянный легендами порыв определил как этап личностного становления, идеализировал его. «Вопрос о действительности и легенде мне был поставлен ещё в детском моём путешествии в фантастическую Азию <...> в глубине души я берегу свою Азию <...> потому и метался из стороны в сторону, чтобы в конце концов доказать реальность своей Азии» [Пришвин, 1956, 1957. Т. 4, с. 245]. Азия Пришвина – это мифопоэтическая сокровенная страна, иное царство, Беловодье, которое старообрядцы искали и на Севере, и на Востоке, и на территории современного Китая. Закономерно, что среди пришвинских художественных типов встречаются и кочевник-монгол, и китаец [Иванов, 2022]. Первый – в повести «Чёрный араб», второй – в повести «Жень-Шень». Общеизвестно, что обе повести стали наиболее сильными у Пришвина в художественном, философском аспектах.

Лес, степь открывали героям-интеллигентам Пришвина новое содержание жизни и новые глубины духовного мира, землю обетованную под небом на земле. В повести «Чёрный Араб», в очерках «Адам и Ева», «Солёное озеро» Пришвин обобщил впечатления от поездки в степи за Иртыш, в Среднюю Азию, состоявшейся в 1909 году. «Степной оборотень» – так хотел назвать он повесть [Пришвин. Письмо А. М. Ремизову ...]. Вспомним Волха-оборотня: трансформировал

плоть, зная первоестество, родство человека и звериного царства – птиц, волков, лошадей. Работал с плотью и Фауст, но шёл от латинской, халдейской мудрости. Ландшафт повести Пришвина выдержан в восточной мифопоэтической колористике: за бескрайними степями на территории современной Киргизии проступила библейская «страна Ханаанская», «настоящая пустыня», где «земля без людей и трава лежит серо-красная <...> За этой пустыней текут семь медовых рек; там не бывает зимы; там будет вечно жить Чёрный Араб» [Пришвин, 1982-1986. Т. 1, с. 532]. Географически маркируя свой Восток, Пришвин, пусть и не дословно, повторил поэтику сказаний об Индии: семь медовых рек, не бывает зимы. Повествователь обернулся не европейцем культурным, но легендарным Чёрным Арабом. Он возвращается не из Лейпцига, не из Града Невидимого Китежа у Светлого озера, куда совершили паломничество утончённые эстеты Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, но из духовной столицы ислама Мекки, и проводник у него – пастух, кочевник Исак, архаичный человек, сознание которого сформировано не книгой, а природой, мифом, преданием. В своё время Афанасий Никитин плотно общался с мусульманами Делийского султаната.

«Народные мудрецы» Пришвина – типы экзотические: Исак, Лувен. Первый – степной кочевник. Второй – китаец из Дальневосточной тайги: учитель, знахарь, колдун; он погружён в тайны зелёного мира и размышляет о человеке в духе, стилистике буддизма [Пришвин. Родники Берендея, 1977]. Фауст и Лувен – антиподы. Один – книжный мудрец; другой – от народной культуры. Но самым сильным до-

стижением китайца являются самосозерцание, «хитрая наука»: понимание шума ветра и движения воды, знание языка птиц и зверей, наконец, влияние на людей и природу. Такие дары воплощают былинный Волх, славянский властелин растительного царства Велес. Типологически близкий по функциям персонаж выведен в цикле стихов и сказок А. Н. Толстого «Приворот», там он фигурирует как «звериный царь».

Допускаем, что влечение русской творческой интеллигенции первой половины XX века к столь необычным типам объясняется желанием дополнить христианскую ценностную парадигму восточной – исламской и буддийской, индуистской.

Исключительно редки обращения к мифологии Востока в сочинениях, статьях, переписке, автобиографиях А. Н. Толстого, но перед смертью и он открыл сакральное знание. Один эпизод бытовой, другой – творческий; они объединяют поведение и подсознание писателя, их же объединяют мотивы жизни и смерти. В январе 1935 года А. Толстой перенёс сердечный приступ. Безграмотное лечение представителями официальной медицины едва не закончилось трагически; Толстого исцелил легендарный доктор Н. Н. Бадмаев методами медицины тибетской. Детали изложены в письме А. Толстого М. Горькому [Переписка А. Н. Толстого. Т. 2, с. 196, 197].

Другой эпизод: в дневнике Л. И. Толстой отмечены предсмертные «вещие» сны Толстого. А. М. Крюкова связала их с «нереализованными» замыслами, «не воплотившимися» образами, что теснились в «разгорячённом страданиями» мозгу писателя [Крюкова, 1989, с. 139]. «Сегодня большое

событие. Один народ с Алтая, очень красивый <...> празднует и катает всех на санях, быстро, как ветер <...> Это сон. Длинный красивый сон. В нём большой смысл. Очень сложный <...> Я слышу, как шумят токи воздуха, которые поднимаются очень высоко вверх <...> И наверху очень, очень высоко едва слышно холодный голос говорит иногда Слово» [Крюкова, 1989, с. 140]. Возможно, нереализованный замысел А. Толстого связан с этим большим и очень сложным смыслом, о котором мы никогда не узнаем. Фраза писателя монтируется с идеями Е. И. Рерих о зарождении новой цивилизации на Алтае.

Сердце Азии.

Величайший интуитивист Н. Рерих

Живопись, публицистика, дневники Н. Рериха созвучны нашим заключениям о Востоке, Азии и России. Мифы, образы Индии захватили Рериха ещё в детстве, как в детстве же М. Пришвина увлекла Азия. «От самого детства наметилась связь с Индией <...> картина, изображавшая какую-то величественную гору и всегда особенно привлекавшая моё внимание <...> знаменитая Канченджунга <...> К сердцу Азии потянуло уже давно <...> Имена Пржевальского и Потанина <...> Весь эпос монгольский, уже не говоря о сокровищах Индии, всегда привлекал <...> Дядя Елены Ивановны <...> отправился в Индию, затем он появился в прекрасном раджпутском костюме на придворном балу в Питере и опять уехал в Индию. С тех пор о нём не слыхали» [Рерих Н. Листы дневника, 1995, с. 65, 66].

Осознанное творчество Рериха на темы Азии начинается с 1905 года: картины, очерки, увлечение Рамакришной, Вивеканандой. С 1923 года он

и Елена Ивановна (супруга) объехали главные достопримечательности Индии. В 1930-е годы, уже в Индии, Рерих определил её роль для себя и роль Азии для России.

Рерих полагал, что Восток – понятие не географическое, но относительное, мифологически-культурная субстанция. «Пределы Азии тоже очень неопределённые. Это давно уже замечено <...> Условная граница по Уралу потом расплывается в несказуемую неопределённость. Было время, когда по неведению и неразумению считалось неуместным называть себя азиатами» [Рерих Н. Листы дневника, 1995, с. 65]. За строку «Да, азиаты мы» в поэме «Скифы» Рерих назвал А. Блока прозорливым. «Как же мы не азиаты, когда сокровищница русская, вся Сибирь неизведанная, сохранённая, занимает большую часть Азии» [Рерих Н. Листы дневника, 1995, с. 65].

Рерих развил те архетипичные образы Индии, Востока, которыми наполнены былины о Волге, Илье, Садко, сочинение Никитина. Идею связи культур, религий России и Востока несут живописные полотна на темы славянского фольклора, литературы, иллюстрации агиографических сюжетов. На многих картинах православные храмы с крестами имеют контуры строений откровенно монгольских, буддийских. Таковы и очерки, эссе Рериха о русском фольклоре, литературе, писателях, культуре, архитектуре: Псков. Зарождение легенд. Русскость. Беловодье. Лада [Рерих Н. Листы дневника, 1995].

«Русь в древнейшие времена уже внимательно слушала сказания мудрых восточных гостей. Сношения с Востоком были гораздо глубже, нежели западники старались это представить. Уже не говоря о восточной сущности

Византии и о всех сокровищах восточно-русских, даже в изобразительных искусствах Европы <...> можно находить прямые влияния азиатские. Сердце Азии является как бы и сердцем мира <...> Поищем внимательно и найдем ко многому истоки все-таки в Азии» [1937 г.] [Рерих Н. Листы дневника, 1995, с. 65].

На одной из картин Н. Рериха Пантелеймон Целитель, подобно доктору Н. Бадмаеву, собирает травы не на просторах русской долины, а в Монголии. Позднее Рерих часто размышлял об индийских медицинских трактатах, о подтверждении народных практик современным ему научным знанием, об интересе в Советской России к искусству целительства у народов Востока. «Вчера мы читали об учреждении особого правительственного комитета для исследования индусской народной медицины. Заветы Аюр-Веды, столь еще недавно осмеянные, оживают <...> В Москве основывается Институт Изучения Тибетской Медицины, западные ученые нашли чрезвычайно знаменательные указания среди древних китайских заветов <...> И древняя знахарка, варившая зелье из жаб, нашла себе оправдание в современной науке» [Рерих Н. Листы дневника, 1995, с. 76].

Связи, переключки устанавливались не из частного интереса; в 1920–1930-е годы это была тенденция: верилось, что раскрепощение труда, научные открытия, расширение возможностей сознания позволят изменить жизнь, создать нового человека. Для воплощения утопии многое предпринималось как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Одной из ключевых фигур, инициатором ряда начинаний стал М. Горький, романтически увлечённый идеей Человека и его потенций, которые ещё предстоит рас-

крыть. При его непосредственном участии, благодаря авторитету в высших эшелонах власти, был создан Институт Человека, научно прорабатывавший возможность преобразования плоти не в художественном, а в медико-биологическом ракурсе. Подобный мыслительный прорыв на пустом месте был невозможен. Требовалось не только экспериментально подтверждённое новое знание, но и традиционное, мистическое старое. Не исключено, что поиск такого знания был одной из причин путешествий Рериха по Индии, Тибету, Гималаям.

Круг широчайших представлений Рериха о Востоке охватывал как инволютацию и парапсихологию, так и расширение сознания. Рерих искал конкретные людские типы, воплотившие бы столь чудесные дары. «Сколько говорилось и писалось о тончайших энергиях, постепенно улавливаемых человечеством!» [Рерих Н. Листы дневника, 1995, с. 76].

После смерти М. Горького Н. Рерих оставил о нём воспоминания, написал два очерка, «Горький», 1936, «Голос Горького», 1941 [Рерих Н. Из литературного наследия, 1974]; всё – в Индии. Если Горький открыл в Рерихе представителя русско-славянско-монгольского типа и того самого кочевника-монгола, о котором он писал много и настойчиво, и назвал его величайшим интуитивистом современности, то подтверждается ли это с другой стороны, со стороны Рериха, взглядом издали? Рерих отметил интуитивизм самого Горького и его способность к расширению сознания, возможностям человека. Горький продемонстрировал это, поделившись давним воспоминанием о жизни на Кавказе в начале своего литературного пути, когда он встретился с индусом, а тот, по прось-

бе Горького, показал ему виды индустриальных городов, но никаких городов не было, было лишь расширенное сознание загипнотизированного М. Горького. «Говорили о йогах, о всяких необычайных явлениях, родиной которых была Индия. Многие из присутствовавших поглядывали на молчавшего Горького, очевидно, ожидая, что он как-нибудь очень сурово резюмирует беседу. Но его заключение было для многих совсем неожиданным. Он сказал, внутренне осветившись: “А все-таки замечательные люди эти индусы!”» [Рерих Н. Листы дневника, 1995, с. 21].

Заключение

Дополнение, корректировка, уточнение научных представлений о национально-культурных связях и отношениях между мифологией Востока и русским фольклором, литературой Средневековья и даже прозой неореализма, русским искусством первых десятилетий XX столетия – таковы основные научные результаты данной статьи. Установление связей, типологических переключек оказалось возможным благодаря апелляции к глубинным основаниям русской национальной ментальности и ещё более глубоким, живущим в мифологическом универсализме схождениям Русского Мира и Востока. На уровне более широко, что наиболее значимо, состоялось осмысление и обобщение многих наблюдений автора по линии рецепции русской фольклорной, литературной традицией мифологии Востока. Использование методов функционального, структурно-семантического, мотивного, контекстного анализа, аксиологического и других позволило прочертить многообразие переключек, подчас антиномичных, между столь далеко расположенными друг от друга про-

странствами, эпохами, между различными персоналиями.

Мы постарались обрисовать историко-культурные причины влечения русской традиции к мифологии, культуре Востока; уточнить коннотации понятия Восток: не административно-географическое пространство, а определённая сущность, синтезируемая из контекста культурологом, философом, мифем; сущность, востребованная человеком, сформированным в знаково-

ценностном поле русского языка. В статье разведены понятия Востока как мифа и мифологии Востока, в рамках которой структурированы ключевые образы, архетипы, мотивы, воспринятые русским фольклором, литературой Средневековья, позднее – интеллигентским художественным сознанием Серебряного века, литературой неореализма, и показана их роль для русской художественной традиции, духовного мира русского человека.

Примечание

¹Как невыносимо тяжело давалась учёба отроку Варфоломею из «Жития Сергия Радонежского».

Библиографический список

1. Барлен Д. Русские былины в свете тайноведения. Калуга : Духовное познание, 1993. 72 с.
2. Горький А. М. Две души // Горький А. М. Статьи. 1905–1916. Петроград : Парус, 1918. 212 с. С. 174–187.
3. Иванов Н. Н. Рецепция культурологом Запада и Востока в русской литературе рубежа XIX – начала XX столетий // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 2 (16). С. 100–116.
4. Иванов Н. Н. Типы и образы национальной культуры в прозе русского неореализма : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 235 с.
5. Иванов Н. Н. Царство «небесно-земное, духовно-плотское: рецепция мотивов Гёте в творческой эволюции М. Пришвина / Н. Н. Иванов, Л. И. Зимина // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2. С. 43–48.
6. Индийская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия : [в 2 томах]. Т. 1. Москва : Советская энциклопедия, 1980. 672 с. С. 526, 527.
7. Китайская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия : [в 2 томах]. Т. 1. Москва : Советская энциклопедия, 1980. 672 с. С. 653–661.
8. Крюкова А. М. Алексей Николаевич Толстой. Москва : Московский рабочий, 1989. 142 с.
9. Личная библиотека А. М. Горького в Москве / Описание в двух книгах. Москва: Наука, 1981.
10. Переписка А. Н. Толстого : [в 2 томах]. Москва : Художественная литература, 1989.
11. Переписка М. Горького : [в 2 томах]. Москва : Художественная литература, 1986.
12. Пришвин М. М. Наши берега / из книги «Искусство как образ поведения» ЦГАЛИ. ф. 2569 / Н. Н. Замошкина / . оп. 1. ед. хр.535. л. 3.
13. Пришвин М. М. Письмо А. М. Ремизову. 21 ноября 1909 г. ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фонд Ремизова. № 634. оп. 1. ед. хр.175.

14. Пришвин М. М. Родники Берендея. Повести и рассказы. Москва : Советская Россия, 1977.
15. Пришвин М. М. Собрание сочинений : [в 6 томах]. Москва : Гослитиздат, 1956, 1957.
16. Пришвин М. М. Собрание сочинений : [в 8 томах]. Москва : Художественная литература, 1982–1986.
17. Рерих Н. К. Из литературного наследия / под ред. М. Т. Кузьминой. Москва : Изобразительное искусство, 1974. 534 с.
18. Рерих Н. К. Листы дневника. II том (1936 – 1941). Москва : БИСАН-ОАЗИС, 1995. 288 с.
19. Трубецкой Е. Н. Три очерка о русской иконе. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. Москва : Лепта-Пресс, 2003. 316 с.
20. Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466-1472 гг. / под ред. акад. Б. Д. Грекова и чл.корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, Москва ; Ленинград : Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948, 65 с.
21. Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII вв. / сост. Н. К. Гудзий. Москва : Учпедгиз, 1955. 544 с.
22. Шуган О. В. Восток в жизни и творчестве М. Горького. Москва : ИМЛИ РАН, 2023. 440 с.

Reference list

1. Barlen D. Russkie byliny v svete tajnovedenija = Russian epic poems in the light of mystery studies. Kaluga : Duhovnoe poznanie, 1993. 72 s.
2. Gor'kij A. M. Dve dushi = Two souls // Gor'kij A. M. Stat'i. 1905–1916. Petrograd : Parus, 1918. 212 s. S. 174–187.
3. Ivanov N. N. Recepcija kul'turologem Zapada i Vostoka v russkoj literature rubezha XIX – nachala XX stoletij = Reception of Western and Eastern culturologemes in Russian literature at the turn of the XIX – XX centuries / Mir russkogovorjashhih stran. 2023. № 2 (16). S. 100–116.
4. Ivanov N. N. Tipy i obrazy nacional'noj kul'tury v proze russkogo neorealizma = Types and images of national culture in the Russian neorealism prose : monografija. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022. 235 s.
5. Ivanov N. N. Carstvo «nebesno-zemnoe, duhovno-plotskoe: recepcija motivov Gjote v tvorcheskoj jevoljucii M. Prishvina = The kingdom of “ heavenly-worldly, spiritual-bodily” : the reception of Goethe's motifs in M. Prishvin's creative evolution / N. N. Ivanov, L. I. Zimina // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik. 2020. № 2. S. 43–48.
6. Indijskaja mifologija = Indian mythology // Mify narodov mira. Jenciklopedija : [v 2 tomah]. T. 1. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1980. 672 s. S. 526, 527.
7. Kitajskaja mifologija = Chinese mythology // Mify narodov mira. Jenciklopedija : [v 2 tomah]. T. 1. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1980. 672 s. S. 653–661.
8. Krjukova A. M. Aleksej Nikolaevič Tolstoj = Aleksej Nikolajevič Tolstoj. Moskva : Moskovskij rabochij, 1989. 142 s.
9. Lichnaja biblioteka A. M. Gor'kogo v Moskve = A.M. Gorky's personal library in Moscow / Opisanie v dvuh knigah. Moskva: Nauka, 1981.

10. Perepiska A. N. Tolstogo = A.N. Tolstoy's correspondence : [v 2 tomah]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1989.
11. Perepiska M. Gor'kogo = M. Gorky's correspondence : [v 2 tomah]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1986.
12. Prishvin M. M. Nashi berega = Prishvin M.M. Our shores / iz knigi «Iskusstvo kak obraz povedenija» CGALI. f. 2569 /N. N. Zamoshkina /. op. 1. ed. hr.535. l. 3.
13. Prishvin M. M. Pis'mo A. M. Remizovu. 21 nojabrja 1909 g. OR GPB im. M. E. Saltykova-Shhedrina. Fond Remizova. № 634. op. 1. ed. hr.175 = Prishvin M. M. A letter to A. M. Remizov. November 21, 1909. The Saltykov-Shchedrin State Public Library. Remizov Fund. No. 634. inventory 1. storage unit 175.
14. Prishvin M. M. Rodniki Berendeja. Povesti i rasskazy = Berendei's springs. Stories and tales. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1977.
15. Prishvin M. M. Sobranie sochinenij : [v 6 tomah] = Collected works: [in 6 volumes]. Moskva : Goslitizdat, 1956, 1957.
16. Prishvin M. M. Sobranie sochinenij : [v 8 tomah] = Collected works: [in 8 volumes]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1982–1986.
17. Rerih N. K. Iz literaturnogo nasledija = From literary heritage / pod red. M. T. Kuz'minaj. Moskva : Izobrazitel'noe iskusstvo, 1974. 534 s.
18. Rerih N. K. Listy dnevnika. II tom (1936 – 1941) = Pages of the diary. II volume (1936 – 1941). Moskva : BISAN-OAZIS, 1995. 288 s.
19. Trubeckoj E. N. Tri ocherka o russkoj ikone. «Inoe carstvo» i ego iskateli v russkoj narodnoj skazke = Three essays on the Russian icon. “Other Kingdom” and its seekers in the Russian folk tale. Moskva : Lepta-Press, 2003. 316 s.
20. Hozhdenie za tri morja Afanasija Nikitina 1466-1472 gg. = Afanasy Nikitin's Voyage Beyond the Three Seas 1466-1472 / pod red. akad B. D. Grekova i chl.korr. AN SSSR V. P. Adrianovoj-Peretc, Moskva ; Leningrad : Izd. i 1-ja tip. Izd-va Akad. nauk SSSR, 1948, 65 s.
21. Hrestomatija po drevnej russkoj literature XI – XVII vv. = A Reader in ancient Russian literature of the XI-XVII centuries / sost. N. K. Gudzij. Moskva : Uchpedgiz, 1955. 544 s.
22. Shugan O. V. Vostok v zhizni i tvorcestve M. Gor'kogo = The East in M. Gorky's life and work. Moskva : IMLI RAN, 2023. 440 s.

Статья поступила в редакцию 20.09.2024; одобрена после рецензирования 18.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.
The article was submitted on 20.09.2024; approved after reviewing 18.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024